

Песенная традиция Усть-Цильмы в сопоставительном аспекте

*(к проблеме методологии сравнительного изучения
локальных песенных традиций)*

Вявление специфики локальной фольклорной традиции в целом или ее отдельных явлений предполагает в качестве ведущего сравнительно-типологический аспект исследования: как отметил Б.Н. Путилов, «чтобы по-настоящему описать и охарактеризовать специфику фольклорной культуры региона, зоны, локального очага, нужны по крайней мере два условия: возможно более полное знание ее в синхронном разрезе и представление о ее историческом движении, а также возможность сопоставить с достаточно репрезентативными материалами по другим регионам, зонам и очагам»¹. Поэтому, решая задачу характеристики усть-цилемского песенного фольклора, необходимо проведение сопоставительного анализа этих текстов с песнями территориально близких традиций, в первую очередь, — с нижнепечорской.

Фольклорная культура русского населения Печоры давно находится в поле внимания исследователей. Со времен первых фольклористических поездок в этот край две русские волости архангельской части Печоры² — Усть-Цилемская и Пустозерская — подвергались сопоставлению³, что, в первую очередь, было обусловлено различиями в истории освоения среднего и нижнего течения этой северной реки⁴. Уже первооткрыватель северо-восточного эпического очага Н.Е. Ончуков отметил, что былины Печоры нужно разделить на «1) старины Усть-Цилемской волости и 2) на старины Пустозерской волости»⁵, при этом собиратель руководствовался различиями в манере пения и репертуаре. Наблюдения Е.Н. Ончукова на более широком в жанровом отношении материале были подкреплены в ходе дальнейших фольклористических разысканий на Печоре. Так, в сборнике «Песни Печоры», подготовленном по записям экспедиций ГИИИ 1929 г. и ИРЛИ

(Пушкинский Дом) РАН 1955—1956 гг., по сути, представлено две традиции: тексты разделены на две части по районам (Усть-Цилемский и Нарьян-Марский), во вступительной статье Н.П. Колпакова привела основные различия песенного репертуара средней и нижней Печоры⁶. Таким образом, административно-территориальное деление этих двух районов Печоры соответствует выделению двух фольклорных традиций⁷.

В поле ближайших сопоставлений, направленных на выявление специфики усть-цилемского песенного фольклора, целесообразно включить также песни Мезени, учитывая, в первую очередь, определенную близость мезенской и печорской эпических традиций⁸. Кроме того, по результатам северных экспедиций ГИИИ и ИРЛИ, работавших в этих смежных районах, Н.П. Колпакова отметила определенную общность песенных культур Мезени и Печоры⁹.

Итак, представим некоторые предварительные наблюдения, возникшие при сопоставлении среднепечорской (усть-цилемской), нижнепечорской и мезенской¹⁰ песенных традиций, учитывая, что сопоставительный анализ в целом направлен на определение наиболее рельефных черт усть-цилемской песенной культуры¹¹.

Ю.И. Смирнов предлагает проводить выявление общего и особенно в местной традиции на нескольких логических уровнях: набор жанров, их разновидности или тематические группы; репертуар по жанрам или по группам текстов; параллельные формы (сюжеты-дубли); произведения; версии произведений¹². Можно выделить еще один, более глубокий уровень сопоставления текстов разных традиций — уровень «подробностей изложения»¹³, обозначенный так Ю.А. Новиковым применительно к изучению региональных особенностей былин¹⁴.

При сопоставлении усть-цилемской песенной традиции с нижнепечорской и мезенской (как, впрочем, и с другими русскими традициями) на уровне жанров обращает на себя внимание отсутствие на средней Печоре свадебных и плясовых песен.

Песни свадебные здесь не зафиксированы: в местной народной терминологии нет ни подобного названия, относящегося к определенной группе песен, ни выделения песенных сюжетов, приуроченных к обрядовым актам свадьбы. Однако свадебные величания, не обозначенные в качестве таковых в местной жанровой системе, функционировали как вечерочные припевки, что было отмечено Н.П. Колпаковой: «ряд песен, исполнявшихся в других районах на свадьбах, исполнялся [в Усть-Цильме. — Т. К.] на зимних молодежных «игрищах»¹⁵; это, к примеру, такие известные свадебные величания, как «Во горенке во новой» (контраминированный вариант: «пирование мужа с женой», «молодая жена просится в гости к родителям — муж просит ее родить сына и дочь»)¹⁶, «Что на стуле на бархате» («молодец перед зеркалом расчесывает кудри»)¹⁷, «Розан мой, розан да виноград зеленый» («поездка молодца на коне к невесте»)¹⁸ и др. Исследователь связала этот факт с неразвитостью свадебного обряда у усть-цилемских стариков¹⁹.

«Перемещение» песен свадебных в группу игровых можно расценить как жанровую диффузию: величания оказались формально выведенными за пределы обряда, однако сохранились в пространстве местной фольклорной культуры, заняв свои позиции в игровой сфере. Усть-цилемские припевки не утратили своего обрядового назначения: традиция опевания новобрачной пары, не предусмотренная собственно свадьбой, нашла свое место в рамках молодежных посиделок, где для еще не женатой пары исполнялись «холостые» припевки, а для молодоженов, посещавших вечерки в первый год после свадьбы, — «женатые».

Эти выводы по большей части относятся уже к следующему уровню сравнительной характеристики — к оценке репертуара по жанрам и по группам текстов, которая, в свою очередь, связана с сюжетными сопоставлениями песен одной традиции с их близкими вариантами из других местностей. Завершая характеристику усть-цилемских посидочных припевок в этом аспекте, добавим, что функция свадебного опевания, отличающая их, отразилась не только на специфике репертуара, его дифференциации (на «женатые» и «холостые»), но и на особенностях текстов. Так, в сравнении с классическими игровыми припевками (относительно небольшого объема, с «поцелуйным» завершением), бытовавшими, например, на Мезени²⁰, среднепечорские посидочные песни отличаются не только отсутствием поцелуйных формул, но и достаточно объемными текстами, в которых нередко соединяются две сюжетные ситуации, что не характерно для вариантов этих песен из других районов²¹.

При оценке жанрового состава усть-цилемской традиции было отмечено, что в ней не выделяется также группа плясовых песен. Действительно, пляски не получили у старообрядческого населения Усть-Цильмы широкого распространения, и собственно группа плясовых песен не сформировалась в местной традиции, хотя многие сюжеты усть-цилемских «игрищечных» песен (исполнявшихся в парных хороводах-«кружаниях» на свадьбе или на вечерке)²² в других традициях известны именно как плясовые (например: «Вечер девки вечериночку сидят»²³, «Я по жердочке шла да я по тоненькой»²⁴, «Молодка, молодка, молоденькая»²⁵ и др.). Появляющиеся на Печоре в сравнительно позднее время песни под пляску исполнялись, по замечаниям исполнителей, как правило, только после «игрищечных» песен, тем самым они примыкали к ним и даже не получили четкого жанрового обозначения²⁶.

Группа усть-цилемских «игрищечных» песен вообще заслуживает особого внимания в плане сопоставления с мезенской традицией. Подобный усть-цилемскому «игрищу» тип хореографической фигуры описан В.Н. Всеволодским-Гернгроссом при характеристике мезенской танцевальной традиции²⁷. Вероятно, на Мезени такая танцевальная фигура была довольно распространенной: о ней же — хотя и очень лаконично — упоминается в примечаниях к отдельным песням в сборнике «Песенный фольклор Мезени»²⁸; на Мезени известны также и парные «верчения» по плясовым песням, исполнявшиеся на свадеб-

ных девичниках и обозначаемые так же, как и на средней Печоре глаголом «кружаться»²⁹. В качестве перспективного заслуживает внимание также сравнительный анализ репертуара весенне-летних хороводов: усть-цилемской «горки», нижнепечорских луговых гуляний и мезенских «петровщин»³⁰.

Вообще песни, связанные с хороводно-игровой сферой, более отчетливо обнаруживают местные отличия, что, очевидно, обусловлено их жанровой спецификой, особенностями функционирования в традиции, «включенности» в обрядовые и праздничные ситуации и т.п.; различия здесь могут проявляться как на текстовом, так и на невербальном уровнях.

Поиск же «рельефности» традиции на уровне репертуара необрядовых песен остается весьма непростой задачей. Как и на жанровом уровне характеристики, спецификоопределяющим здесь является «общерусский» контекст, т. е. корпус сюжетов, известных по другим традициям. В результате сравнения местного репертуара с так называемым «общерусским» в локальной песенной традиции условно³¹ можно выделить три пласта песенных сюжетов: во-первых, сюжеты, имеющие близкое сходство с известными песнями (как правило, они составляют самую большую группу, и это естественно); во-вторых, сюжеты, известные по другим традициям, но по сравнению с ними имеющие существенные отличия; в-третьих, редкие и уникальные сюжеты (сюжеты, которые неизвестны в других местностях)³².

Вторая и третья группы заслуживают более пристального внимания, поскольку их выделение во многом определяет отличительные черты традиции. Например, в репертуаре усть-цилемской необрядовой лирики заметное место (примерно пятую часть) занимают сюжеты, не имеющие близких вариантов (по крайней мере, в известных песенных сборниках) или не обнаруживающие полного сходства с вариантами из других традиций³³; некоторые из них зафиксированы «точно» — только на Пижме (так называемые пижемские сюжеты усть-цилемского репертуара)³⁴.

При межлокальных сопоставлениях особый интерес вызывает выявление близких вариантов не просто в любых других традициях, а в конкретных, в нашем случае — в территориально близких. Так, в результате сравнения усть-цилемского репертуара, насчитывающего почти 170 сюжетов календарных (коляда и винограда), хороводно-игровых (включая припевки) и лирических песен, с нижнепечорским и мезенским было выявлено 16 общих сюжетов («печорско-мезенских», зафиксированных во всех трех традициях): «девичье» винограде («вышивание ковра/ширинки»), три свадебных величания³⁵, три — лирические песни³⁶, остальные общие варианты относятся к песенно-игровому фольклору. При парных сопоставлениях репертуарных списков совпадений обнаруживается больше: общий фонд песен Усть-Цильмы и Мезени составляет более 40 сюжетов, Усть-Цильмы и нижней Печоры — около 50 (менее половины совпадающих сюжетов приходится на лирические песни).

При межлокальных сопоставлениях особый интерес вызывает совпадение редких вариантов в близких традициях, что дает возможность — хотя опять же условно (в качестве рабочего наблюдения, требующего специальной проверки на широком материале) — обозначить ареалы распространения (точнее, фиксации) отдельных редких песен. В анализируемом материале таких пересечений немного, но и они позволяют обратить внимание на степень близости традиций. Так, в общем репертуаре Усть-Цильмы и Мезени выявлен всего один сюжет, встретившийся только в публикациях местного материала из этих двух районов, — вечерочная песня с зачином «Люшеньки, да все во горнице все столы стоят да все дубовые...» (усть-цилемский вариант) или «Во горнице, во светлице, флюшеньки, фенюшки...» (лешуконский вариант)³⁷. В репертуаре средней и нижней Печоры имеется четыре лирических песни, построенных на известных в русской лирике мотивах, но не имеющих подобных вариантов за пределами Печоры, о чем пока можно судить по доступным публикациям³⁸. В группе редких сюжетов следует отметить также вариант, зафиксированный только в трех рассматриваемых традициях, — вечерочную песню с зачином «На два верха во немецки сидят молодцы турецки» (средняя Печора: Пижма) / «Во три верхи во немецкой...» (нижняя Печора) / «Во два верхала немецких...» (Мезень)³⁹.

В завершение отметим, что при оценке методологических подходов к сравнительному изучению локальных песенных традиций приходится учитывать то, что выявление сходства и различий в репертуаре может привести к каким-либо выводам порой только при проведении целой серии перекрестных сопоставлений разных традиций (в данном случае: Усть-Цильма — Мезень, Усть-Цильма — нижняя Печора, Мезень — нижняя Печора, Мезень — Вашка, Печора — Вашка и т.д.). Применительно к изучению фольклора старообрядческой Усть-Цильмы целесообразно также привлечь материал по другим старообрядческим культурам. Кроме того, вопрос о близости и специфике песенных традиций не может быть решен без их этномузыковедческой характеристики.

Примечания

¹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 150.

² Территория верхнего течения Печоры входила в состав Вологодской губернии.

³ В фольклорно-этнографических заметках конца XIX — начала XX вв. обе эти волости (Усть-Цилемская и Пустозерская) обозначались как территория *низовой Печоры* (см., например: *Истомин Ф.М.* О религиозном состоянии обитателей русской низовой Печоры (из путевых наблюдений по Печорскому краю летом 1890 г.). СПб., 1891. С. 1.; *Печорские былины* / Зап. Н.Е. Ончуков. СПб., 1904. С. IV—V, VII.); такая традиция сохраняется и в настоящее время в некоторых этнографических и археографических трудах. В исследованиях фольклористов современная территория Усть-Цилемского района Республики Коми обозначается как *средняя Печора*, территория бывший Пустозерской вол., (ныне — Ненецкий АО Архангельской обл., административный центр — г. Нарьян-

Мар) — как *нижняя* Печора (см.: *Колпакова Н.П. Песни Печоры // Песни Печоры / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963. С. 9, 19).*

⁴ Литература об истории заселения Печоры обширна. Из сравнительно новых публикаций см., например: Былины на Печоре. I. Этническая история региона / Изд. подгот. Т.А. Бернштам // *Былины Печоры / Сост. и подгот. текстов В.И. Ереминой, В.И. Жекулиной, В.В. Коргузалова, А.Ф. Некрыловой; Отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2001. Т. 1. С. 79—83 (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.).*

⁵ Печорские былины. С. XI.

⁶ *Колпакова Н.П. Песни Печоры. С. 19—25.*

⁷ Следует отметить, что степень однородности традиций несколько различна: изучение усть-цилемской фольклорной культуры (в первую очередь — как раз песен) позволило обозначить три микрорайона, три микролокальных традиции Усть-Цильмы: печорскую (точнее среднепечорскую), пижемскую и цилемскую, что связано с некоторыми особенностями освоения берегового пространства по рекам Печоре, Пижме и Цильме, а также со сравнительно сложными условиями сообщения между ними (*Колпакова Н.П. Песни Печоры. С. 11—12.*). Нижнепечорская традиция выглядит более однородной.

⁸ См.: *Былины Севера / Зап., вступит. ст. и коммент. А. М. Астаховой. Т. 1. Мезень и Печора. М.; Л., 1938. С. 4, 56.* См. также структуру серии «Былины» в Своде русского фольклора (Былины Печоры. Т. 1. С. 14).

⁹ «Обрядовые песни верхней и средней Мезени ближе к обрядовым песням средней Печоры, а обрядовые песни нижнего течения Мезени — к репертуару нижней Печоры» (Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. С. 16).

¹⁰ Территория Мезени административно делится на два района — Мезенский и Лешуконский, и, возможно, в рамках специального исследования местной песенной культуры целесообразно выделять лешуконскую и мезенскую (нижнемезенскую) традиции. В данной работе мы опираемся на наблюдения Н. П. Колпаковой, которая отметила следующее: «Что же касается песен внеобрядовых лирических... репертуар их в различных мезенских деревнях очень сходен... делить их на две разные группы не представляется целесообразным. <...> Основная разница между районами наблюдается не в составе репертуара, а в манере музыкального исполнения» (Песенный фольклор Мезени. С. 16).

¹¹ Как предварительные эти наблюдения оцениваются, в частности, в силу определенной неравнозначности сопоставляемых текстов. Усть-цилемский песенный репертуар характеризуется на основе большого источникового материала: архивные и опубликованные записи ГИИИ, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, МГУ, Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР, СыктГУ — от 1929 до 2005 годов записи, публикации Н. П. Леонтьева (Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н.П. Леонтьев. Архангельск, 1979.); нижнепечорский — на основе записей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, опубликованных в сборнике «Песни Печоры», и записей СыктГУ (1956, 1988—1989 гг.); мезенский — главным образом, по сборнику «Песенный фольклор Мезени» (1958, 1961 гг.) с привлечением публикаций П.С. Ефименко (*Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Труды этнографического отдела. М., 1878. Т. 30. Кн. 2. Вып. 2.*), С.И. Дмитриевой (Материалы к серии «Культуры и народы». Вып. 6. Русские. Кн. 3. Традиционный фольклор Русского Севера / Авт.-сост. С.И. Дмитриева. М., 1993.), сборника «Игры народов СССР» (Игры народов СССР. Сб. материалов, сост. В.Н. Всеволодским-Гернгроссом, В. С. Ковалевой. Л., 1933.). В связи с неполнотой, в частности, мезенских материалов приводимые ниже количественные показа-

тели при характеристике общего репертуара традиций нельзя рассматривать как абсолютные.

¹² *Смирнов Ю.И.* Местные традиции: уровни опознания местного // Локальные традиции и жанровые формы фольклора. Кемерово, 1992. С. 3.

¹³ В данной работе этот уровень не рассматривается; некоторые подходы к нему в рамках заявленной темы изложены в ст.: *Канева Т.С.* Поэтический «инвентарь» песенного сюжета в контексте местной традиции // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 4. М., 2002. С. 25—32.

¹⁴ *Новиков Ю.А.* Проблема варианта и региональных традиций в изучении русских былин // Русская литература. 1984. № 4. С. 86.

¹⁵ *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С. 90.

¹⁶ Песни Печоры. № 115; А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. З.Н. Бильчук, А.Н. Власова, А.Н. Захарова, Т.С. Каневой. СПб., 1992. № 38.

¹⁷ Песни Печоры. № 118; 353; А в Усть-Цильме поют. № 46.

¹⁸ А в Усть-Цильме поют. № 41.

¹⁹ «Развитого обряда свадьбы старообрядцы, составлявшие за последние столетия основное русское население этих мест, не справляли» (*Колпакова Н.П.* Песни Печоры. С. 11.).

²⁰ См., например: Песенный фольклор Мезени. № 140—141, 143, 145—147.

²¹ Например: «Вдоль по бережку похаживала...» («девушка загоняет гусей с берега, встречает молодчика» + «похвала девушке», см.: Песни Печоры. № 117; 351), «Нам сегодня день маленек...» («встреча молодца с девушкой на беседе перед разлукой» + «подарки молодца», см.: Песни Печоры. № 121) и др.

²² См.: *Канева Т.С.* Хоровод «игрище» в усть-цилемской фольклорной традиции // Традиционная культура: Науч. альманах. 2001. № 1. С. 48.

²³ А в Усть-Цильме поют. № 61.

²⁴ Там же. № 63.

²⁵ Там же. № 82.

²⁶ «Вся наша компания весела», «Солнце-месяц закатился» — «все быстры, все как под ногу приплясывают» (Фольклорный архив СыктГУ (далее — ФА СыктГУ), Усть-Цилемское собрание, 0356-33). «Уродилась Дуня» — «кружаемся поем, она не игрищечна, а така песня, она как крута песня, дак ишо и приплясывам. Она как вроде проголосна, а круче мы ее поем, хошь когда поем»; «Погодушка-кутея» — «не игрищечна, сзади за игрищечныма, не проголосна она, взади за игрищечныма поем» (ФА СыктГУ 0356-44).

²⁷ В некоторых танцах («Конопелка», «Ковер» и др.) встречается «верчение», «которое местные жители выдают за свое исконное и которое делается не как обычно, взявшись как на вальс, и даже не правыми (или левыми) руками за талию, что чаще всего встречается в деревенской практике, но взявшись правыми (или левыми) руками на протяжении от локтя до кисти, причем локти покоятся на лучевой кости» (*Всеволодский-Гернергросс В.Н.* Крестьянский танец // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Т. 2. Л., 1928. С. 240—241.).

²⁸ «В круг ходили, перекруживались разными сортами» (Песенный фольклор Мезени. С. 333).

²⁹ В экспедиционных материалах 1928 г. Н.П. Колпакова отмечала, что на Мезени в предсвадебную неделю у невесты собиралась молодежь, где «плясали по игришным песням без музыки» (Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. К. 165, п. 25, л. 75); быстрые «кружания» на свадьбе зафиксированы в Лешуконье экспедицией Университета культуры и искусств г. Санкт-Петербурга.

³⁰ Некоторые результаты сопоставления репертуара уличных хороводов средней и нижней Печоры приведены в работе: *Канева Т.С.* Межлокальные сопоставления песенных сюжетов (к вопросу о специфике песенно-игровой тради-

ции Усть-Цильмы) // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8. История. Филология. Философия. Сыктывкар, 1999. Вып. 3. С. 93—99.

³¹ Такого рода обобщения очень зависимы от введения новых записей («неизвестных» текстов) в широкий научный оборот.

³² Такие сюжеты (группы) выделяются, в частности, в сборниках из серии «Памятники русского фольклора», подготовленных отделом фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН («Песни Печоры», «Песенный фольклор Мезени», «Фольклор русского Устья», «Традиционный фольклор Новгородской области») и др.

³³ Среди них можно назвать песни «Со Буянова славна острова» (сюжетная тема — «гибель молодца на чужой стороне»: «узнавание о гибели возлюбленного по его руке с кольцом»; Песни Печоры. № 17), «Что ты, Машенька, сделала» («девушка тайно уезжает с милым»; Песни Печоры. № 332), «Не порою Ванька ходит» («встреча девушки с молодым — угощение»; Песни Печоры. № 55) и др.

³⁴ Например: «Анюшенька, дак и возьму я в руки топорочек» («любовная тоска девушки» — Песни Печоры. № 52); «Что ты, Машенька, сделала» («девушка в тайне от родителей уезжает с милым» — Песни Печоры. № 332); «Я спойду да младенька во всю темную ночь гуляти» («ожидание встречи с милым» — А в Усть-Цильме поют. № 3) и др.

³⁵ По сути, — четыре, поскольку в усть-цилемском варианте сюжеты «муж подает чару жене» и «жена просится в гости к родителям — муж просит родить сына и дочь» составляют одну (контаминированную) припевку с зачином «Во горенке во новой стоит столик дубовой»; остальные общие свадебные сюжеты: «молодец перед зеркалом расчесывает кудри» (Усть-Цильма: «На стулике, на бархате, на камочке мелкотравчатой»; нижняя Печора: «Сентября перва месяца»; Мезень: «Что во марте было месяце»); «девушка плачет в карете — сокол-молодец утешает ее» (с зачином «По мосту ли, мосту...»).

³⁶ «Сядемте, ребятушка, во единой круг» («утешение молодого полковничка»), «Из палаты было белокаменной» («рекрутский набор — три брата кидают жребий»), «По дорожке по широкой» («солдатский поход — жалобы солдат: «Где будем день дневать, ночь коротать...»»).

³⁷ Первая сюжетная тема песни — «девушка в горнице» — развивается в данных вариантах по-разному. В усть-цилемской припевке ситуация выглядит следующим образом: «в горнице за столом сидят три девицы, перед ними стоят три молодца, одна девушка размышляет, кого ей полюбить из трех молодцев»; в лешуконской песне: «девушка сидит за столом, перед ней стоит молодец». Вторая сюжетная тема — «молодец везет подарки (коробью, зеркало, кольцо)» — не обнаруживает существенных различий (ср.: Песни Печоры. № 355; А в Усть-Цильме поют. № 24; Традиционный фольклор Русского Севера. С. 75).

³⁸ «Погодушка, ешь у молодца занобушка» («любовь девицы к военному» — Песни Печоры. № 5, 167; Печорские былины и песни. № 97.), «Запевай-косье, моя любезная» («соблазнение девицы» — Песни Печоры. № 38; Печорские былины и песни. № 177), «Хорощ-то мальчик-парень уродился» («молодец-любовник», «бесчестие девицы» — Песни Печоры. № 34, 158, 334; Печорские былины и песни. № 138.), «Я спойду да младенька во всю темную ночь гуляти» («ожидание встречи с милым» — А в Усть-Цильме поют. № 3.).

³⁹ В песне соединяются сюжетные ситуации «писари утешают девицу — расхваливание девицы» и «девушка три науки поняла» (Песни Печоры. № 97; ФА СыктГУ, Нарьян-Марское собрание, 0706-30, 0702-18, 0730-9; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. С. 73—74.). Ср. с другим вариантом развития ситуации: *Смирнов Ю.И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988. № 152.